

Колдовские *Миры*
КИРЫ ИЗМАЙЛОВОЙ

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

КАРАВАННАЯ ТРОПА

ЦВЕТOK ПУСТЫНИ

ОСКОЛКИ БУРИ

КИРА ИЗМАЙЛОВА

Случай из практики

ОСКОЛКИ БУРИ

Москва

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ИЗ7

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саужова

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Измайлова, Кира Алиевна.
ИЗ7   Случай из практики. Осколки бури / Кира Измайлова. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-104992-8

Фергия Нарен в своем репертуаре: не успеешь оглянуться, ее и след простыл. Говорят — приказали явиться во дворец, но чего ради? И что делать дракону Вейришу? Лететь выручать непутевую колдунью из рук придворных чародеев? Не стоит спешить, право, она и сама справится...

А вот помощь в поисках Иррашы, старейшей из живущих драконов, точно понадобится. В конце концов, это в интересах самого Вейриша: кто, как не его прабабушка, научит, как снять проклятие, или хотя бы подскажет, что делать дальше?

Только вот Иррашы на месте нет, зато имеются полудикий дракон, пропавший корабль, умершая странной смертью северная ведьма...

И все эти следы ведут к тому, кто наградил семью Вейриша проклятием.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104992-8

© Измайлова К.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Глава 1

В Адмар пришла весна, зацвели сады и рощи в горах. Склоны будто бы окутались облаками всех оттенков: белыми и розовыми оделись ореховые деревья и яблони, нежно-золотистыми — купы алимов, красными и оранжевыми — рощи гарнов... И только в Проклятом оазисе ветви деревьев сгибались под тяжестью урожая — хозяйка его недурно устроилась, смена сезонов ее вовсе не беспокоила.

Цвела и пустыня, а это длится всего несколько дней, вот почему я взял Аю да и улетел прочь от города — любоваться весной. От дяди Гарреша я как-то слышал, что далеко на востоке есть такой обычай, и он мне очень понравился. Занятные места, нужно будет когда-нибудь напроситься с дядей в путешествие...

Да, конечно, он не откажет, только прежде нужно избавиться от моего проклятия. Я давно не ощущал его тяжести, разве только изредка и не в полную силу. Правда, не спешил радоваться: оно ведь никуда не делось, просто волос дочери Золотого Змея на время связал эту зловредную силу.

Но долго ли он выдержит? И вдобавок... я ведь не могу поделиться даже такой ненадежной защитой со своей родней, а всем им угрожает опасность, и я не способен даже предположить, кто именно может стать следующей жерт-

вой. Да, я пытался вычислить какую-то закономерность, но у меня ничего не вышло. Все погибшие были родственниками, в этом сомневаться не приходилось, но по какой именно линии? В ком еще течет подходящая кровь?

Если даже отыскать какого-нибудь старого дракона — а это не так-то просто сделать, они обычно держатся подалеке от обитаемых краев, — и выпросить его родословную со всеми побочными ветвями и побегими... Все равно не поможет, потому что расспрашивать придется вообще всех ныне здравствующих, а ведь они вовсе не обязательно расскажут правду, даже если согласятся поговорить с юнцом вроде меня. Мало ли какие в прошлом случались перипетии, и теперь злопамятные старики кто нарочно умалчивает о родстве, а кто слишком сильно обижен на других, чтобы даже упоминать о них...

О нет, приложив достаточно усилий и потратив лет этак двести, я сумел бы собрать необходимые сведения, а потом сличить их и, возможно, обнаружить искомое. А возможно, и нет — не настолько уж я хорош в подобных делах.

Конечно, если другого выхода не останется, придется заняться этим, но пока... Я полагал, что очень скоро наш противник даст о себе знать. Узнав, что лишился неиссякаемого золотого запаса, он непременно обозлится — какой дракон стерпит подобное! А в нем течет наша кровь, в этом сомнений нет... И, возможно, ослепленный злостью, он совершит какую-нибудь ошибку или сделает опрометчивый ход. Вдруг удастся подловить его? Если мы, конечно, вообще об этом узнаем...

Говоря «мы», я имею в виду себя и, конечно же, Фергию Нарен, которую не видел, к слову, уже почти месяц. Сперва я приходил в себя после приключений в зеркальной пещере, потом наступила весна... Время пролетело очень

быстро, и только вернувшись в Адмар, я вспомнил, что давненько не встречал Фергию, и это настораживало. Может, тоже предается безделью под сенью струй, как ей нравится говорить? Да нет, совсем не похоже — Фергия ведь не способна и дня усидеть на месте, в отличие от своей матушки. Та-то довольно тяжела на подъем, и пускай работать часто приходится вдали от дома, это не означает, будто ей нравится путешествовать. Хотя как знать, может, в юности Флоссия тоже была такой вот... подвижной? И Фергия со временем остепенится?

«Да скорее небо на землю рухнет», — подумал я, въезжая на базар.

Вообще-то, можно было и напрямиком в Проклятый оазис отправиться, но что, если Фергии там нет? Делать лишний крюк не хотелось. Ну а на базаре всегда услышишь что-нибудь интересное...

Так и вышло: оставив коня слуге, я неторопливо бродил по рядам, прислушиваясь к разговорам и сам охотно вступаю в беседы. Уже через полчаса мне удалось узнать, что Фергия действительно не сидела без дела: за прошедший месяц она успела найти пропавшие сбережения богатой вдовы — та просто позабыла, куда спрятала мешочек с золотом, раскрыть кражу в доме солидного шодана — одна шуудэ стащила самоцветную брошь у жены хозяина, а свалила на свою соперницу... И так далее, и тому подобное.

Я даже удивился немного: с чего это вдруг Фергию начали приглашать в приличные дома? К ней не очень-то охотно шли за помощью, не привыкли еще к колдунье, живущей поблизости. Тут я хлопнул себя по лбу и обругал дураком: ну конечно же, наверняка кто-то слышал или даже видел, как сыновья рашудана и советник Ларсий ездили в Проклятый оазис! Да что там, кто-нибудь из их свиты мог проговориться, а скорее всего, сделал это Ургуш, слуга

Фергии. А еще, подозреваю, она сама велела ему распространять слухи... Что ж, дутая репутация — тоже репутация, так, кажется, она однажды выразилась?

Вдобавок начальник городской стражи, Даллаль, оказывает Фергии недвусмысленные знаки внимания, и это не то чтобы делает ее достойной особой в глазах обывателей, но тоже работает на репутацию. Разве стал бы такой важный шодан привечать шарлатанку? Или хуже того, злую чародейку? Ну разве только она его самого околдовала... О такой возможности, уверен, велись жаркие споры в ойфанах!

Словом, Фергия весьма грамотно использовала людскую молву, чтобы привлечь к себе внимание. Интересно, где она этому научилась и у кого? Я подозревал — у своего прадеда. Вроде бы Флоссия упоминала, что он когда-то любил бывать при арастенском дворе и недурно разбирался во всевозможных интригах, да и теперь не растерял ни чутья, ни опыта. Очевидно, этим правнучка удалась в него, либо же старик просто хорошо ее выдрессировал...

— Вейриш-шодан! — отвлек меня от раздумий знакомый голос. — Давно тебя не было видно! Уж не захворал ли?

— С чего бы мне хворать, Итиш-шодан? — улыбнулся я, подходя поближе.

— Мало ли... День не видать, два, неделю, месяц, — покачал головой торговец. — Тут поневоле всякое подумашь. А уж как вспомнишь, что ты с колдуньей из Проклятого оазиса якшаешься, такое в голову взбредет — аж бограда поседет!

— Выброси бредни из головы, — посоветовал я, — а то, говорят, если слишком много думать, рано состаришься. А ты еще хоть куда!

— Пожалуй, так, шодан, — приосанился Итиш, а я не удержался и спросил:

— А как твои ковры? Сумел ты найти того, кто их испортил?

Итиш выразительно взялся обеими руками за голову, вернее, за небрежно намотанный тарбан, воздел глаза к небу, потом полез под прилавок и выудил целую кипу разномастных мятых листков, исписанных и исчерканных вдоль и поперек, заляпанных ойфом, густо-красной подливой, должно быть, из плодов гарна, и маслом.

— Вот! — потряс он этими записками у меня перед носом. — Вот сколько я всего узнал, Вейриш-шодан, да только не тайну тех ковров, будь они неладны...

— А что это? — Я отвел его руку от своего лица.

— О! — Итиш хлопнул записи на прилавок, выудил несколько листков, остальные придавил собственной туфлей, чтобы не разлетелись от ветра, и сказал: — Вот я узнал, кто подворовывает у моего брата-красильщика. Мы-то думали — торговец нас обманывает и подсовывает плохую краску, купили у другого — и опять то же самое! Линяют ковры, и все тут! А оказалось, это один работник ворует и продает на сторону. Конечно, если сделать красящий раствор недостаточной крепости, то он держаться не будет!

Я уважительно покачал головой, выражая восхищение его сыщицкими талантами, а Итиш перевел дыхание и продолжил:

— А еще я узнал, что жена моего троюродного племянника ему изменяет. И с кем!

— С кем? — тут же спросил какой-то любопытный, остановившийся послушать.

— С его братом! Они близнецы, — пояснил Итиш, — поэтому Аташ мне не поверил. Сказал, все вранье. Видели его, а решили, что это Уташ. Но у меня есть доказательства!

И свидетели! Сам посуди, шодан, если Аташ был в отъезде, то как же столько людей могли его видеть с женой?

— И что случилось? — спросил я, преисполнившись самых худших предчувствий.

Супружеские измены в Адмаре обычно строго караются, особенно если уличат женщину. Мужчине-то ничего не сделают, если он ходит к шуадэ от надоевшей супруги. Правда, если он соблазнит чужую жену или проберется к шуудэ, а обиженный муж и хозяин окажется достаточно влиятельным и богатым, тут уж виновного могут и выпороть кнутом на площади, и отрубить что-нибудь ненужное, как повезет. Ну а женщину, изменившую мужу, ждет позор, и даже если он простит ее и позволит остаться в доме, она вряд ли скоро рискнет показаться на улице — соседи заклюют, а могут и камнями забросать. И это еще в лучшем случае: чаще всего изменниц выгоняют прочь, и они оседают в Нижнем городе, торгуя собой за еду. Шуудэ — тех продают, конечно, не теряя же деньги...

— Эта недостойная подслушала наш разговор и успела сбежать к своим родителям, — недовольно сказал Итиш, перебирая свои листочки. — И дочку увела, ей три года всего.

— А муж что же? — с интересом спросил еще один праздный слушатель.

— Аташ, как узнал, пошел за ней.

— Ну, не томи, что он с ней сделал?!

— Ничего, — проворчал Итиш. — Не дошел, помер.

— Как так? — поразился первый любопытствующий.

— А так! Он же, — Итиш постучал себя по лбу, — решил, что Уташ ее деньгами соблазнил, он ведь и родился на полчаса раньше, и вырос красивее и умнее, и дела у него всегда шли лучше, и разбогател он раньше. Вот поэтому Аташ надел все лучшее, перстни самоцветные наце-

пил, цепь золотую — мол, гляди, чего ты лишилась, на кого променяла! И пошел... А уже темнело. Вот и весь рассказ... Нашли его поутру в канаве, раздетого до нитки...

— И что дальше? — не удержался я.

— Ничего. — Итиш помрачнел еще больше. — Уташ, как родной брат и наследник покойного, взял эту недостойную себе, мол, не пропадать же вдове. С дочерью, да. Наверно, она от него, поди разбери, они же с Аташем на лицо-то почти одинаковые были... И теперь Уташ стал вдвое богаче, чем был! До чего судьба несправедлива!

Я невольно выдохнул от облегчения: конечно, в каждой стране свои нравы, но мне не хотелось услышать о том, как эту безымянную женщину, пускай она и изменила мужу, выгнали из дома в чем есть, а то и убили, иначе что люди скажут?..

— Одна беда от этих расследований, — пожаловался Итиш и затолкал свои записки обратно под прилавок. — Такое узнаешь, что в глазах темнеет: ни за что бы не подумал, будто моя родня может такое отчудить! А про ковры я так ничего и не понял, Вейриш-шодан, поверишь ли? Хоть в самом деле иди на поклон к колдунье — пускай посмотрит, вдруг это был не едкий раствор, а порча какая-нибудь?

— Так ведь она еще когда смотрела, — напомнил я, — окажись это колдовство, неужели бы она смолчала?

— Да кто ее разберет... Сказала же — будет работать, только если я попрошу. А я не попросил, так зачем же ей говорить, увидела она что-нибудь или нет? Это выйдет, что она даром мне помогла, — выстроил логическую связку Итиш. — А задаром только птички поют. И то не всякие.

Загадка испорченных ковров Итиша не давала покоя Фергии, я знал наверняка, но принципами она бы не поступилась, это точно.

— Кстати, а ты не видел Фергию-шади? — попытался я сменить тему беседы. — Она мне нужна по делу.

— А-а-а! — вскричал вдруг Итиш так, что я отшатнулся. — Ты же ничего не знаешь, шодан!

— Чего я не знаю?

— Говорят, колдунья поругалась с рашуданом... — прошипел он, понизив голос. — Только тс-с...

— Гм... — Я попытался осмыслить сказанное, но не особенно преуспел. — А ее уже казнили или она успела сбежать?

— Зачем казнить? — удивился Итиш и шепотом зачастил: — Я сам не видел, как раз у брата был, но, говорят, над дворцом стоял огонь во все небо, а потом с моря пришла гроза, и синие молнии начали бить прямо в большой купол...

— Он вроде бы цел, — сказал я, присмотревшись. Дворец рашудана отлично видно почти из любой точки Адмара, и разрушений я не наблюдал.

— Ну так это были колдовские молнии. Или Фергия-шади потом починила, что сломала, — нашелся Итиш. — Словом, утром все стало, как прежде.

«Да чем они тут без меня занимались?!» — подумал я, но этот вопрос нужно было задавать Фергии, конечно же. Впрочем...

— А как ее вообще занесло во дворец, не слышал? И почему она поругалась с рашуданом?

— Я слышал, ее позвали, а зачем — никто не знает. Ну а потом приключилось это вот... — Итиш развел руками и с сожалением цокнул языком: — Жаль, я сам ничего не видел, а остальные наверняка наболтали дюжину тюков маковых зерен! Может, все и не так вовсе было...

Час от часу не легче... Я вдруг вспомнил пророчество: в нем ведь говорилось о подземном пламени, способном

поглотить Адмар, так, может, Фергии удалось до него добраться? Или хотя бы разведать, что это такое? Одни вопросы без ответов...

Впрочем, если бы Фергии угрожала серьезная опасность, Аю непременно бы меня предупредила, уверен. Моя жена очень привязалась к дочери «аяйки», так что вряд ли оставила бы ее на верную погибель. Даже если видение было бы нечетким и неопределенным... Лучше уж пере-страховаться.

— Эй, Вейриш! — гаркнули у меня над ухом так, что я невольно присел, а Итиш попятился и икнул. И немудрено: Фергия возникла словно из ниоткуда. — Что это вы обо мне сплетничаете, а?

— В-вы откуда взялись? — выговорил я.

— Да я тут с самого начала вашей беседы стою, — развеселилась она, и я сообразил: ну конечно, этот любопытный прохожий самой неприметной наружности...

— Замаскировались, да?

— Конечно. У меня лицо запоминающееся, что, конечно, неплохо, но иногда мешает. Но ничего страшного: с помощью простенькой иллюзии легко пройти по базару и услышать то, что вовсе не предназначено для твоих ушей... Так что, Итиш-шодан, — пресерьезно сказала она, — ты имей это в виду, не болтай почем зря. Мало ли, кто-нибудь еще прикинется другим человеком, да и выведает у тебя все секреты...

— Да уж не стану больше... — проворчал он. — Только Вейриш-шодан не посторонний, а ты вот... обманываешь честных людей!

— Ой-ой, таких ли уж честных? — подбоченилась Фергия. — Любого ногтем ковырни — такое увидишь, что борода поседеет, как ты говоришь. Ты ведь сам в этом убедился, Итиш-шодан, разве нет?

— Убедился, убедился... Шла бы ты отсюда, шади, не распугивала покупателей!

— Ну и пойду, — фыркнула она и взяла меня за локоть. — А как надумаешь узнать, кто все-таки испортил твои ковры, приходи. Небось мимо оазиса не промахнешься.

И Фергия с неженской силой повлекла меня прочь от лавки Итиша, приговаривая на ходу:

— И куда вас джаннаи унесли, а, Вейриш? Я тут, понимаете ли, работаю не покладая рук, пытаюсь разузнать что-нибудь об этом вашем проклятии... Вашем, вашем, не коситесь на меня, как моя Даджи на верблюда! А вы взяли и исчезли... То есть я все понимаю, конечно, но надо же и совесть иметь? Почему я должна отдуваться за обоих, да еще бесплатно?

— Фергия, — с трудом вставил я в поток ее слов, — Итиш сказал, будто вы поругались с рашуданом и чуть не разнесли его дворец! Что вы там такое вытворяли?

— Поругалась? С рашуданом? — Фергия притормозила. — Не было такого.

— А как же пламя на полнеба, гроза и синие молнии? Итиш клянется, что есть свидетели!

— Ах это... — Она захохотала, согнувшись пополам и хлопая по коленям от избытка чувств. — Ну надо же, что придумали! Пойдемте, Вейриш...

— Куда вы меня волочете?

— К Хаксюту, конечно, — он нальет нам ойфа, а я расскажу, что тут творилось, покуда вы где-то порхали на крыльях любви.

Я смирился: старый торговец книгами был меньшим из зол. Даже если у него в лавке обнаружится поэт Чайка, это можно пережить, лишь бы он не начал сыпать непристойными рифмами...

Наверно, я сглазил: Чайка действительно оказался в лавке. Правда, ему явно было не до рифм: он старательно драил пол, заляпанный чернилами. Скудную мебель Чайка сдвинул к стене, испорченный коврик печально свисал с подставки для книг.

— Тяжело в учении? — весело спросила Фергия, обозрев разрушения.

— Не говори, шади... — Чайка разогнулся и вытер грязной рукой пот со лба. — Просто заучивать буквы — еще куда ни шло, а вот писать их... Погляди на мои пальцы, разве такими удержишь перо? И даже чернильницу? Посмотри, что вышло!

— Ты же воровал, — напомнила она, — а у воров должны быть ловкие руки.

— Так то у настоящих карманников — тех, я слышал, учат вот как: навешивают на чучело колокольчики и велют шарить по одежде, искать кошельки и прочее. И если хоть один колокольчик звякнет — бьют палками нещадно! Вот кто выживет — тот становится мастером. А я что?.. Схватчу что-нибудь на базаре — и дёру даю, пока не заметили! Ну, бывало дело, запустил руки в чужой карман, но меня тогда едва не поймали...

Тяжело вздохнув, он снова принялся тереть пол, но тут Фергия смиловилась:

— Позови лучше Хаксюта, а я, так и быть, приберусь. Нельзя же пить ойф, когда даже присесть не на что!

— Хаксют ушел, — проворчал Чайка, выжимая тряпку, — сказал, чтоб я его не ждал, закончил с уборкой да выметался домой. Ему какой-то знакомый обещал дать почитать редкий свиток, но только из собственных рук. Вот старик схватил весь запас чернил... то есть все, что осталось после этого вот моего обучения... да и был таков.